

УДК: 30 (471) + 930.9

О НАРОДНОЙ ИДЕЕ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ НАРОДОВ

Николай Павлович РЯБЧЕНКО,

кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: ranaut@mail.ru

Народная идея отражает стремление большинства народа к свободе и справедливости. Главные трудности на пути к этой цели связаны с тем, что сохраняющиеся в обществе отношения эксплуатации воспроизводят существующий в природе механизм отношений между хищниками и травоядными. Такие социальные отношения будут постепенно изживаться эволюционным путём. Предназначение народов связано с их местом и ролью в мировой системе, представляющей собой бинарную структуру Восток — Запад. Однако, чтобы полностью решить проблему предназначения народов, надо понять закономерности и особенности взаимодействия человечества с другими ещё более крупными и сложными системами — микромиром и макромиром.

Ключевые слова: народная идея, национальная идея, Восток, Запад, Россия, предназначение народов.

On the people's idea and predestination of peoples

N.P. Ryabchenko, Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RUS, Vladivostok.

People's idea reflects the desire of the most people for freedom and justice. The main difficulties in the way to this goal due to the fact that the persistence of social relations of exploitation reproduces existing in the nature mechanism of the relationship between predators and herbivores. Such social relations will be gradually overcome through evolution. Destiny of peoples due to their place and role in the global system, which is a binary structure of the East — West. However, complete solve of the problem of predestination of peoples can only be understood of regularities and features of the interaction of humankind with the other more large and complex systems — the microcosm and macrocosm.

Key words: people's idea, national idea, the East, the West, Russia, predestination of peoples.

«Круглый стол» «От этнической традиции к народной идее», посвящённый рассмотрению судеб народов через призму национальной (народной) идеи, материалы которого были опубликованы в журнале «Россия и АТР», стал заметным событием в научной жизни. Хотя речь шла в основ-

* См.: Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 2. С. 153.

ном об аборигенах Дальнего Востока, но обсуждавшиеся проблемы в той или иной степени касаются каждого из живущих на Земле народов, и поэтому хотелось бы продолжить дискуссию.

Прежде чем говорить о национальной (народной) идее, следует уточнить содержание этого понятия. Каждый народ как этническая общность обособлен от других народов по принципу «мы — они». Однако не всё здесь просто. Изначально народы представляли собой объединения племён. Единство таких образований было сравнительно слабым, особенно на окраинах. Сохранялись племенные различия, и нередко в зависимости от обстоятельств, чаще всего связанных с войнами, племена откалывались от одних народов и присоединялись к другим. Общие интересы народа не всегда выдерживали конкуренцию с местными, племенными, а идеи национальной общности ещё находились в стадии формирования и становления. На капиталистической стадии развития интенсивная экономическая жизнь и развитие путей сообщения сплачивали народ в современную нацию — тесное государственное единство. Внутренняя консолидация стран, прочные границы, растущее национальное самосознание вновь активизировали оппозицию «мы — они». Вылилось это, как известно, в беспримерные по своим масштабам и ожесточению войны. Единство народа в эту эпоху стало одним из основных факторов, обеспечивавших их выживание и развитие. Государства стали формировать национальные идеи, работавшие на поддержание единства, нередко заимствуя их элементы друг у друга. Но наряду с общими целями и интересами нации существуют и дают о себе знать социальные антагонизмы между эксплуатируемым большинством и эксплуататорским меньшинством. Со всей силой они проявились в XX в.

Если обратиться к истории, то можно видеть, что социальное разделение на «мы — они» не менее древнее и важное по своему значению, чем разделение между племенами, народами, нациями. Каждая из сторон имеет на вооружении свои собственные идеи и идеалы. Их формирование связано с влиянием национальной культуры, в том числе политической. Всё это необходимо учитывать, говоря о национальной идее. Кроме того, у малочисленных народов, не имеющих независимого статуса, также может быть своя национальная идея, направленная на обеспечение собственного выживания и сохранение культуры [1, с. 154].

Таким образом, национальная (народная) идея как обобщённое представление о характере, ценностях и идеалах той или иной нации является сложным комплексом, включающим этнический, социальный и национально-государственный компоненты, тесно связанные с культурой и уровнем развития цивилизации. С течением времени национальная идея изменяется, проходя через этап поиска идеалов новой формирующейся общности и длительный период социальных противоречий, когда стремление угнетённых масс к свободе входит в конфликт с интересами угнетателей и порождает народную идею, идею народного большинства. В ходе революций она выходит на передний план, становится общенациональной, но в новых социальных условиях, как свидетельствует исторический опыт, утрачивает свои позиции: господствующие классы используют её как

ширму в достижении собственных целей. При нападении на страну врага временное единство народной и национальной идеи проявляется в патриотической идее защиты Отечества.

Рассмотрим более подробно процесс формирования национальной идеи. На начальном этапе существования государств социальное расслоение ещё не очень глубокое. Государство подчинено обществу или, во всяком случае, вынуждено считаться с ним, что выражалось в приглашении князей с дружинами на службу и беспрепятственном их увольнении. Общие интересы и идеалы преобладали над частными и своекорыстными. Однако ситуация стала меняться, когда кормящиеся в полюбье дружины прочно обосновывались среди населения и приступали к его регулярной эксплуатации. Стремление вернуть утраченную свободу стало основным содержанием народной идеи. Идея же эксплуататорского меньшинства сводилась, как правило, к пропаганде с помощью церкви своего якобы благородного, чуть ли не божественного происхождения, и основанного на нём всеобъемлющего права владеть покорным ему народом [2, с. 16—17]. На самом же деле власть над народом была либо захвачена теми, кто его охранял, либо, что также часто случалось, досталась по наследству от предков-завоевателей. Ещё один путь к господству — узурпация власти избранным главой государства и причастными к управленческой деятельности структурами и группировками [3, с. 633].

Закабаление народов происходило повсеместно, но ещё долго сохранялись островки свободы, такие как вольный Великий Новгород, города Ганзейского союза. Были и длительные периоды относительно свободной жизни. На Руси это, похоже, первая половина XVI в. [4, с. 44—45]. Однако общей тенденцией стало закрепощение крестьян, усиление эксплуатации народов. Восстания и крестьянские войны, охватившие многие страны мира, были естественной реакцией на растущий гнёт. Русская идея воли наиболее адекватно выражала чаяния угнетённых масс того времени. Она отражала мироощущение человека ещё не забывшего, что такое свобода.

Завоевать свободу путём спонтанных восстаний не удалось, тогда начала формироваться новая стратегия: попытаться как-то договориться с угнетателями, упорядочить отношения с ними, в том числе с помощью законов или договоров. «Русская правда» (XI в.) не что иное, как законодательное уложение, для появления которого созрело общество, и, вероятно, не без внутренних конфликтов. Легендарный защитник угнетённых Робин Гуд вёл борьбу против произвола властей незадолго до принятия Великой хартии вольностей (1215 г.). Позже в Западной Европе появилась идея общественного договора с властью. В течение веков стремление договориться с властью было широко распространённой народной идеей. В Англии она породила движение чартистов, выступавших за принятие «Народной хартии». Для русских правда стала символом и синонимом справедливости, дело оставалось за «малым» — осуществить её на практике (в конце концов, за это взялись большевики). На Востоке, в Китае, сдерживающим фактором для властей являлась мораль и положительный пример «идеальных» правителей древности. В исламском мире таким ограничителем стали предписания Корана.

Попытки достижения устойчивого общественного компромисса не увенчались успехом. По миру прокатились антимонархические революции. Идея власти народа — демократии тогда стала всеобщей. Но до народа власть так и не дошла, оказавшись в руках буржуазии, которая своей непомерной алчностью спровоцировала радикальное коммунистическое движение. Разделение по классовому признаку на «мы — они» широко распространилось в народном сознании. Прорыв в мировой капиталистической системе произошёл, как и предвидел В.И. Ленин, в её слабом звене — в России. Вскоре образовалась брешь размером в 1/3 человечества. 74-летний коммунистический эксперимент показал, что вполне возможно организовать жизнь общества без помещиков и капиталистов. Важным положительным моментом было то, что исчезла социальная база для вражды и войн с другими народами, не стало классов, которые были бы в этом заинтересованы. Идея мира и дружбы между народами широко распространилась в «социалистическом лагере» и всячески пропагандировалась.

С крушением советского строя социальные отношения в мире вернулись практически в прежнее состояние, изменилась только диспозиция. Капиталисты развитых стран к этому времени постарались устроиться более комфортно, закрыли шахты, избавившись от такой массовой и организованной протестной силы, как шахтёры, другие трудоёмкие производства также постарались по максимуму перенести в развивающиеся страны. Для своего населения были предоставлены необходимые социальные гарантии, что создавало иллюзию решения всех проблем и даже «конца истории». Фактически же современный мир оказался разделён на небольшую группу сверхбогатых стран и обеспечивающее их процветание большинство человечества, прозябающее в бедности и нищете. Всё это происходит под лозунгом демократии. Только нужно быть очень наивным человеком, чтобы власть капитала принимать за власть народа, т.е. демократию.

Как видим, народное стремление к свободе и справедливости так и не смогло осуществиться. Конечно, это не случайно, и дело здесь не только в злой воле тех, кто этому препятствует. Слишком глубоки корни социального конфликта. Фольклор — источник, которому можно доверять, сохранил легенды о народных заступниках, о том, на какие ухищрения идут богачи, выдвигая сказочным героям невыполнимые условия, и как они стремятся уйти от выполнения своих обещаний. Практически невозможно найти сказочного героя-богача. Это недвусмысленно указывает на симпатии и антипатии простого народа. Та же линия получила развитие в литературе. Можно вспомнить роман китайского писателя Ши Найяня «Речные заводы» (XIV в.), сказки А.С. Пушкина, произведения А.Н. Радищева, Ч. Диккенса, других русских и зарубежных писателей. Удивительное, необъяснимое вне социального контекста явление — давняя любовь нашего народа к разбойничьим песням, воспевающим волю. В наши дни она получила продолжение в старательно коммерчески культивируемом шансоне. Анекдоты также вносят свою лепту в критику укоренившихся социальных порядков. Горькая ирония звучит в анекдоте о том, что русские попали в книгу рекордов Гиннеса как народ, который может терпеть вечно.

Так в чём же причина неизменности такого несправедливого, с точки зрения простого народа, порядка вещей? Не будет преувеличением сказать, что это порядок естественный, заведённый самой природой, но воспроизводимый в человеческом обществе. Можно привести аналогии из мира природы, где некоторые растения, например лианы, устраивают свою жизнь за счёт соседей, одни животные обманывают и эксплуатируют других (кукушки, некоторые виды муравьёв и др.). Задолго до появления человеческого общества живая природа также опробовала и внедрила всевозможные формы паразитизма, т.е. «патент» на изобретение эксплуатации принадлежит природе. Но почему тогда его продолжает использовать человек разумный и даже вполне современный? Прежде всего, потому, что природа старается везде, где только можно, использовать свои изобретения, не обошла она вниманием и человека как своё творение. Но есть и другая причина. Человек, являясь существом универсальным, отличающимся от животных интеллектом, развитыми трудовыми способностями, в своей социальной жизни невольно воспроизводит механизм эволюции, где не только животные поедают растения, но и сами животные (хищники) питаются животными, теми же травоядными, а при необходимости и другими хищниками. Наглядный пример диалектики природы.

О том, что человек — хищник, сейчас говорят открыто, хотя ещё совсем недавно такое утверждение было бы слишком крамольным. Конечно, следует уточнить: он всеяден, но имеет богатый опыт хищничества, о чем свидетельствует наличие клыков, хотя не очень сильно выраженных, и обнаруженные археологами многочисленные костные останки добытых и съеденных им животных. Причём, важно отметить, что объектами его охоты были и люди [5, с. 50—51, 108]. Канныализм как пережиток далёкого прошлого в течение долгого времени сохранялся в Центральной Африке, на островах Океании, среди коренного населения Бразилии [6, с. 10—11], а его рецидивы имели место и во второй половине XX в. С глубокой древности человек не отличался обходительностью в отношении себе подобных и имел немалые навыки в охоте на них. Ситуация существенно изменилась с появлением в эпоху неолита земледелия. Часть людей стала «травоядными», что возродило в человеческом обществе старую эволюционную схему отношений хищников и травоядных. Хищники в человеческом облике начали «пасти» своих «травоядных» жертв, отбирая, когда это удавалось, плоды их трудов. Такая схема, не являясь принципиально новой, легко и надолго вошла в жизнь человечества. На протяжении тысяч лет она осуществлялась кочевниками в отношении земледельческих народов.

А. В. Головнёв, изучая движение народов, пишет о кочевниках моря — норманнах, в течение нескольких веков господствовавших в Европе, и номадах Центральной Азии, сделавших объектом своих набегов Китай и другие страны [5, с. 420]. Потомки завоевателей стали господствующим сословием как в Европе, так и в Азии [7, с. 110—112]. При этом важно отметить, что идущие ещё с праистории «модели господства на суше и на море выросли из общей деятельностной схемы «хищника-пастыря»» [5, с. 456]. Следует также учесть, что как в природе, так и в обществе почти ничего

не встречается в чистом виде, и разделение на «травоядных» и «хищников» не было абсолютным: в то время как часть кочевников оседала и становилась мирными земледельцами, в земледельческой среде появлялись люди с хищными наклонностями жестоких угнетателей. Ни чем иным, как проявлением хищничества, являются насильственные преступления. В целом до настоящего времени коллизия между «хищниками» и «травоядными» не получила своего разрешения. Это не могло не отразиться на поиске национальной идеи. С одной стороны, человеческая цивилизация достигла высокого уровня развития, позволяющего людям думать и поступать гуманно и справедливо, учитывать интересы других, заботиться о процветании не только своих стран, но и мира, а с другой — социальный мир, дающий возможность в полной мере осуществить гуманистические устремления, так и не наступил.

Господствующие классы и его политические круги, претендующие на представительство всей нации, вынуждены учитывать интересы и умонастроения народа и декларировать приверженность общенародным целям. В принятых ими формулировках национальных идей звучат слова народ, свобода, счастье. Надо признать позитивное значение таких национальных идей-девизов, сплачивающих народы и ориентирующих их на достижение благородных целей. Одновременно они являются эталоном, позволяющим видеть, насколько политика властей соответствует провозглашённым идеальным целям.

В качестве примера, показывающего к чему призывают государства народы своих стран, можно привести целый список национальных идей. Ангола: «Единство обеспечивает силу», Армения: «Помним прошлое, сильны в будущем», Вьетнам: «Независимость, свобода, счастье», Габон: «Единство, труд, правосудие», Гайана: «Один народ, одна нация, одна судьба», Гвинея: «Работа, справедливость, солидарность», Коморские острова: «Единство, справедливость, развитие», Ливия: «Свобода, социализм, единство», Мадагаскар: «Отечество, свобода, прогресс», Польша: «Бог, честь, Отчизна», Сьерра-Леоне: «Единство, свобода, справедливость», Франция: «Свобода, равенство, братство», Чехия: «Истина восторжествует», Швейцария: «Один за всех — все за одного», Южная Корея: «Всё для блага народа» [8, с. 37—38; 9].

Встречаются и курьёзные девизы, например у Бермуд: «Куда кривая выведет» [8, с. 37—38; 9]. Почему-то кажется, что этот девиз относится к не имеющей национальной идеи России. Хотя, видя нашу вечную неустроенность, неспособность решать подчас элементарные задачи и, наоборот, способность то хорошее, что делается, портить «ложкой дёгтя», на ум приходит другой девиз: «Всё разумное — чуждо». Конечно, национальная идея должна быть позитивной и такой обидный девиз-констатацию нельзя принимать всерьёз. Но доля истины в нём есть, и она состоит в том, что наши проблемы — производное от нашего сознания, которое весьма специфично.

Однако мы не одни такие на планете, те же проблемы возникают и у немалого числа других народов. Вся Латинская Америка — наши «братья по разуму». Американец Л. Харрисон и аргентинец М. Грондона

в течение долгого времени специально изучали особенности латиноамериканской культуры, препятствующие экономическому и политическому развитию стран континента. Ими был выявлен ряд фундаментальных факторов, поразительным образом совпадающих с тем, что мы можем наблюдать в России, и сделан вывод, что здесь имеет место инертное «крестьянское сознание», когда-то общее для всего мира, но по разным причинам всё ещё сохраняющее своё влияние в большинстве стран мира, в том числе среди городского населения [10, с. 39—41].

Частично с этим можно согласиться. Все народы имеют «деревенское прошлое» и в разной степени сохраняют ему приверженность. Индикатор «крестьянского сознания» указывает на уровень развития общества, но важно также учитывать количественные и качественные параметры условий, в которых оно формировалось, и часто решающим образом продолжает влиять на национальный характер народов, их большую или меньшую совместимость с современной цивилизацией. В густонаселённых странах Западной Европы или, например, в Японии постоянный дефицит жизненных ресурсов вынуждал людей быть предельно расчётливыми и точными, извлекать из природы всё, что только можно, и приспосабливать к своим потребностям. В результате мы имеем народы идеально соответствующие требованиям современной техногенной цивилизации. Другие народы не прошли такой школы, поэтому им труднее даются навыки современного «человека технического». Кроме того, они, как и все другие, остаются носителями своих специфических особенностей, сформированных условиями окружающей среды — равнин, гор, тайги. Равнины наиболее благоприятны для жизни человека, именно здесь зарождались цивилизации, на протяжении тысяч лет одни государства сменяли другие. Этот исторический опыт накладывает свой отпечаток на живущие народы. Иная судьба у горцев. Многие из них оказались в горах, будучи вытесненными с равнин, и сохранили более ранние формы социальных отношений. По своему характеру они подобны сжатой пружине, которая энергично разжимается, когда горцы оказываются среди представителей других культур.

Особые условия сформировали русский характер. Обширная территория не только повлияла на широту русской природы, глубоко укоренившуюся нерасчётливость поведения людей, но и на характер российской государственности. С одной стороны, чтобы удерживать контроль над огромными территориями, нужна была жёсткая государственная власть, с другой — бескрайние леса и степи давали крестьянам возможность уходить из-под её контроля. Линия поведения, когда государство старалось «настигнуть» своих граждан, а те хотели, если не уйти, то хотя бы «вернуться», в течение веков была характерна для россиян и сохраняется в настоящее время. Так, в годы правления Петра I Россия потеряла значительную часть своего населения, особенно в северных и центральных областях [11]. Люди гибли от войн и жизненных тягот, на которые их обрекала власть, бежали на юг, на Украину, в Сибирь, за границу. Сейчас нет необходимости бежать в леса или за границу, существует так называемая внутренняя эмиграция — отказ от сотрудничества с властью, когда граждане сознательно игнориру-

ют не только выборы, но даже перепись населения. Такая позиция отнюдь не проявление инертности. Однако в данном случае важно, что она, как и политика власти, ввергающая общество в состояние внутренней эмиграции, не способствует формированию национальной идеи, а через неё — сплочению народа на достижение общенациональных целей.

И всё же перечисленных и вполне очевидных причин недостаточно, чтобы понять загадочную русскую душу. Вероятно, нужен более глубокий уровень понимания проблемы, связанный не только с исторической судьбой России и в чём-то похожих на неё стран, но мира в целом, а отсюда уже и всех его частей. Если действовать именно таким образом, то нельзя пройти мимо того факта, что при всём многообразии мир определённым образом структурирован: имеет место его генеральное разделение на Восток и Запад, две мировых цивилизации, два кардинальным образом различающихся мировоззрения и образа жизни. Каждый из этих полюсов имеет своё цивилизационное ядро, расположены они в противоположных частях Евразии — Западной Европе и Восточной Азии. Между ними — переходная зона, народы которой по мере удалённости от мировых полюсов, несут в себе слабо выраженные черты Запада или Востока, либо их сочетание, если они, подобно России, занимают промежуточное положение. Всё это неизбежно влияет на менталитет народов, и когда мы видим, что сознание русского человека не западное и не восточное, то, скорее всего, его следует отнести к какому-то третьему переходному виду. Оно не лучше и не хуже других, просто так устроен мир.

Как известно из истории, взаимодействие Запада и Востока всегда вело к усилению и доминированию то одного, то другого полюса. Сначала лидировал Восток, потом Запад, сейчас происходит стремительное усиление Востока. Можно предположить, что не слишком жёстко организованные общества и соответствующие его состоянию традиции и менталитет народов переходной зоны являются необходимыми условиями поддержания восточно-западной динамики. В пользу этого свидетельствует то, что черты переходности имеются у большинства народов мира. К числу переходных культур относится иберо-американская, чем в конечном счёте объясняется её сходство с российской.

Невозможность для русского сознания сделать окончательный выбор в пользу Запада или Востока, существенно осложняя жизнь его носителей и всей страны, имеет и положительную сторону. Для него, как ни для кого другого, свойственна ориентация на глобальные общечеловеческие идеалы. Русские мыслители прошлого уже обозначили круг идей, близких российскому национальному сознанию [12, с. 16, 35, 78—80]. Это идея мировой гармонии у Достоевского [13], всеединства — у В. Соловьёва [14], «коммьюнотарности и братства людей и народов» — у Н. Бердяева [15]. Конечно, всякая национальная идея должна включать те или иные общечеловеческие ценности, но более всего это относится к российской, которая в первую очередь мыслится как мировая, общая для всех людей. А так как мы до сих пор не смогли спуститься с глобальных высот и как-то выразить свой особенный интерес, то, может быть, это и есть тот случай, когда национальная идея полностью совпадает с мировой?

В 2005 г. мною был предложен вариант российской национальной идеи: «Здоровье, гармония, прогресс» [16, с. 189—193]. Она была сформулирована как актуальная идея, отвечающая потребностям нашего изрядно деградировавшего и разбалансированного общества. Но если внимательно присмотреться к этой идее, то она вполне подходит и для мира в целом, находящегося сегодня не в лучшем положении. Однако наряду с актуальной идеей нужна ещё и перспективная, рассчитанная на много десятилетий и даже веков вперёд. Для этого следует расширить рамки актуальной идеи: её составную часть «здоровье», нацеленную на решение первоочередной задачи — всестороннее физическое, моральное и социальное оздоровление общества, заменить другой общей целью, к которой уже сегодня движется мир, а вместе с ним и каждая страна. Эта цель — единство. Глобализация лишь ступень на пути к нему. Предстоит создать единую мировую цивилизацию, а для этого поднять на новый, более высокий уровень единство человеческого рода, преодолеть барьеры, которые его сегодня разделяют, гармонизировать отношения человека и природы, межличностные и международные отношения и дальше продвигаться по пути прогресса. Правда, идея прогресса за последние двести лет была изрядно дискредитирована капитализмом, но это, как и другие изъядны, не отменяет её всеобщности: история человечества не что иное, как история продвижения по пути прогресса. Поэтому перспективную российскую национальную идею, она же глобальная, можно сформулировать следующим образом: **«Единство, гармония, прогресс».**

Но может ли такая идея стать народной? В обществе, где сохраняются классовый антагонизм, единство «хищника» и «жертвы», всегда в первую очередь обеспечивает интересы «хищника». Не приходится говорить и об их гармонии. Прогресс в таком обществе достигается эксплуатацией человека человеком и за счёт использования ресурсов других народов. Однако такая хищническая технология, позаимствованная у природы, вряд ли будет сохраняться вечно. Отражая механизм эволюции на определённом её этапе, она сама будет постепенно изживаться эволюционным путём, так же, как удалось изжить каннибализм, рабство, крепостничество. Специфически человеческий способ взаимодействия с природой посредством разума и трудовой деятельности в условиях научно-технической революции открывает новые широкие возможности для жизнеобеспечения народов. Ресурсные ограничения, являющиеся объективной основой для существующих ныне и далёких от совершенства общественных отношений, будут вопреки прогнозам алармистов постепенно ослабевать. С течением времени отъём одними людьми у других их труда и энергии, даже такими изящными методами, которые предлагает современный капитализм, начнёт восприниматься в обществе как анахронизм и станет всё более редким явлением. Тогда народ начнёт воспринимать национальную идею как свою собственную, а не считать её идеологическим прикрытием интересов господствующих классов.

Сложнее дело обстоит с разделением на «мы — они» за пределами социальных отношений. Бинарные оппозиции свойственны природе, и надо не избавляться от них, тем более что это невозможно, а понять их

значение, чтобы видеть, куда и как идёт развитие. Предел классового деления это отнюдь не утвердившаяся когда-то оппозиция «травоядные» — «хищники», а заложенное самой природой разделение на женский и мужской пол. Естественным образом подобное разделение проявляется и на общечеловеческом уровне, где Восток и Запад представляют собой две взаимодополняющие стороны единого целого, различаются по расовым и генетическим признакам, а также большей активностью правого полушария головного мозга у восточных народов и левого — у западных. Соответственно отличаются менталитет и поведение народов. Для западного человека характерно логическое мышление, стремление к изменениям, достижению всё новых и новых целей. Для восточного — образное мышление, склонность к художественному творчеству [17, с. 52—53]. Каждый из них по-своему эффективен, о чем свидетельствуют достижения западной и восточной цивилизаций. Ещё более впечатляющие результаты даёт их активное взаимодействие в самых разных сферах, что можно рассматривать как процесс постепенного формирования глобальной цивилизации. Однако есть серьёзная опасность попасть в ещё один эволюционный тупик: создать высокоорганизованное и высокоэффективное общество, похожее на муравейник. Для него уже есть название — «человек-муравейник». Трудно удержаться, чтобы не скатиться на этот гладкий, «накатанный» природой путь. Ещё в середине XIX в. Ф.М. Достоевский критически отзывался о европейском «муравейнике» [18]. Сейчас единственным серьёзным препятствием для его строительства в мировом масштабе является многомиллиардная масса людей с «инертным» сознанием, органически не приемлющих правила муравейника. Россияне среди них занимают далеко не последнее место.

Суть дела здесь в том, что мир очень быстро становится всё теснее и людям приходится быть более расчётливыми, действовать более точно и всем вместе теснить природу, отгораживаться от неё в огромных мегаполисах, незаметно для себя превращаясь в высокоорганизованный «муравейник». В этих условиях русский дух важен как альтернатива «муравейнику», другой, часто выглядящий варварским, но более близкий к природе тип отношений с ней и с людьми как её частью. Россия, несмотря на выпавшие на её долю беды, всё ещё остаётся резервом свежих творческих сил и природных богатств. Вместе с другими странами переходной между Востоком и Западом зоны она является источником разнообразия в устремлённом к унификации мире. Для глобальной и совпадающей с ней российской национальной идеи это означает, что единство мира должно оставаться сложным, сохраняющим своё многообразие, основываться на гармоничных отношениях человека и природы, которая и есть её первоисточник. Прогресс должен быть щадящим для природы и человека.

Слишком категоричное утверждение «Истинное предназначение народа не знает никто» [1, с. 157] также мало нас устраивает, как и противоположное, если кто-нибудь заявил бы, что он знает эту истину. Но попытаться понять его, максимально приблизиться к нему можно и должно. Ведь наука не может пройти мимо столь важной и интересной темы.

Само слово «предназначение» указывает на то, что речь должна идти о месте и роли так, как назначают всегда на какое-то место и для исполнения какой-то должности или роли. Конечно, народы никто и никуда не назначает, мы можем говорить только об их месте и роли в истории. Предлог «пред», имеющий значение «наперёд, заранее», означает, что они заранее заданы или чем-то обусловлены. Это действительно так: каждый народ является частью человечества как мировой системы, а система задаёт определённые параметры и функции для своих составных частей, и как бы ни был тот или иной народ уверен в своей суверенности, он вольно или невольно подчиняется системе и «работает» на неё. Истинное предназначение народа есть то, как, каким образом он связан с системой и какую роль при этом выполняет, т.е. какова его системная роль.

Будем исходить из того, что человечество по своему происхождению представляет собой природную систему и остаётся таковой в своих основах. Никакой прогресс цивилизации не может отменить этого факта. История человечества также представляет собой естественно-исторический процесс. Её этапы связаны с формированием человека, расселением его по ойкумене, освоением новых территорий и новых видов деятельности. Всё это происходит внутри природной системы и в тесном взаимодействии с ней. Пока нельзя с полной уверенностью утверждать, была ли Африка единственным местом, где впервые появился человек разумный, или существовал ещё один очаг «сапиентации» — на востоке Азии, но, так или иначе, сегодня мы имеем две, если можно так сказать, его разновидности, диаметрально различающиеся не только внешними признаками, но и особенностями сознания. Также существуют две полярно различающиеся культуры и цивилизации — восточная и западная с основными центрами на востоке и западе Евразии. Огромное расстояние затрудняло связи этих двух мировых полюсов, но всё же они имели место в ходе переселений и завоеваний народов.

Миграциям людей из одного края ойкумены в другой способствовало наличие своеобразного коридора между полярной областью на севере и рядом горных цепей на юге. Движение по «коридору» археологи фиксируют с глубокой древности [5, с. 40—44]. Со временем оно стало неотъемлемой частью мировой динамики, способом взаимодействия двух мировых полюсов. Один из них, западный, изначально проявлял заметно большую активность по сравнению с восточным [5, с. 41—42]. Эта особенность, закреплённая в преобладании левополушарности западных народов и правополушарности восточных, имеет ключевое значение в мировой системе. Запад стал выступать генератором изменчивости, а Восток — устойчивости, вместе же они представляют собой системное единство механизма развития. В истории это проявлялось в поочерёдном преобладании Востока и Запада.

Такое устройство мира определяет поведение и деятельность народов. Те из них, которые входят в состав цивилизационного ядра или находятся вблизи него, обеспечивают его функционирование. Расположенные в переходной между Западом и Востоком зоне народы ведут себя и действуют в зависимости от мировых тенденций, склоняясь то в одну, то в другую

сторону. Уникальны положение и роль России. Как отмечал Д. И. Менделеев, «...Россия, расположенная отчасти в Европе, отчасти в Азии... назначена историей именно для того, чтобы так или иначе Европу с Азией помирить, связать и слить» [19]. Она выступает в качестве балансира между Востоком и Западом. В этом, скорее всего, и есть её предназначение. Разные обстоятельства тому способствуют. Это могут быть усиление или ослабление той или другой стороны, собственные цели и интересы, но в разные периоды своей истории Россия поворачивалась лицом то к Востоку, то к Западу. Такие колебания прослеживаются, начиная с XIII в. Самыми крупными вехами на её пути стало длительное пребывание в составе Монгольской империи и более чем двухвековой «роман» с Западом, возникший при Петре I. В советский период был совершён поворот к Востоку, но, несмотря на все трудности и конфликты, возникавшие в советско-китайских отношениях, СССР оставался ближе к Востоку, чем к Западу. После крушения СССР Россия вновь повернулась к Западу, как бы уравновешивая быстрое усиление Китая. При всём стремлении Москвы поддерживать и развивать тесные связи с Пекином её западная ориентация, очевидно, сохранится на длительную историческую перспективу.

Такой подход позволяет системно представить наиболее важное для истории и тесно связанное с её ходом направление деятельности народов, которое вполне можно считать предназначением, так как все другие значимые события их жизни укладываются в это общее русло. Он позволяет избежать односторонности западо- или востокоцентризма, связать происходящее в одной части земного шара с тем, что происходит в другой, а также и на глобальном уровне представлять мир в развитии. Опять же, если взять Россию, то можно видеть, что даже такие её свершения всемирно-исторического масштаба, как прорыв капиталистической системы, победа над фашизмом, кроме социально-политического имеют и другое, пока ещё непривычное для нас измерение в плане восточно-западной динамики. В 1917 г. произошла не только Октябрьская революция, но и разрыв России с Западом, совершенно неожиданный для большевиков, рассчитывавших, что более развитая Европа станет оплотом мировой революции. Нападение Гитлера на СССР было продиктовано не только стремлением завоевать нашу страну и ликвидировать существовавший строй, но и сделать её частью немецкой Европы. В годы «холодной войны» Советский Союз на Западе очень часто называли «Востоком». Конечно, в действительности он Востоком не был и не осознавал себя таковым. Но объективно он выступал как авангард Востока, всячески его поддерживая в борьбе против капиталистического Запада. Когда не стало СССР, во весь голос заявил о себе настоящий Восток в лице Китая, поднявшийся и окрепший благодаря советской помощи. Ни в этом ли состоял подлинный и главный смысл революционных потрясений XX в.? В самом начале они вызвали «пробуждение Востока», а завершилось всё его новой глобальной ролью претендента на мировое лидерство.

Представленный подход всё же не даёт полного представления об истинном предназначении народов, так как человечество, само являясь сложной системой, взаимодействует с ещё более крупными и сложными

системами — микромиром и макромиром. Если когда-нибудь удастся понять закономерности и особенности этого взаимодействия, то полностью откроется истинное предназначение народов, в том числе будет доказана или опровергнута гипотеза Л. Н. Гумилёва о происхождении пассионарности. Но для этого надо будет также достаточно глубоко познать микро- и макромир и существующие между ними связи. «Ничего себе задачка!» — скажет читатель. «Да, стоящая», — отвечает автор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Тураев В.А. Национальная идея как смысл существования и стратегия развития этноса // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 2. С. 154—160.
2. Национальная идея в Западной Европе в Новое время: Очерки истории / отв. ред. В.С. Бондарчук. М.: ИКД «Зерцало-М»; Издательский дом «Вече», 2005. 496 с.
3. Нефёдов С.А. Факторный анализ исторического процесса: История Востока. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 752 с.
4. Янов А. Россия: У истоков трагедии. 1462—1584: Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.
5. Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.
6. Durand W. The story of civilization. Part one. Our Oriental Heritage. N.Y.: Simon and Schuster, 1942. 1049 p.
7. Нефёдов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007. 141 с.
8. Фомина А.В. Национальная идея России в условиях глобализации // Глобализация: мифы и реальность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (24.11.09). — Тюмень: Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 2009. С. 35—39.
9. Формулы национальной идеи разных стран мира. — <http://www.newsland.ru/Blog/View/user/101074/id/25886/>
10. Кончаловский А.С. Русское мышление и мировой цивилизационный процесс // Полис. 2010. № 5. С. 38—47.
11. Нефёдов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. 543 с.
12. Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX — начала XX в. М.: Наследие, 2000. 256 с.
13. Достоевский Ф.М. Пушкинская речь — <http://www.klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/pushkin.txt>
14. Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 892 с.
15. Бердяев Н. Русская идея. — http://www._nikolay_russkaya_ideya.txt
16. Рябченко Н.П. Наука под игом реформаторов. Владивосток: Дальнаука, 2010. 194 с.
17. Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности: (К проблеме адаптации человека в приполярных районах Северо-Востока СССР). Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. 136 с.
18. Зохран И. «Европейские гипотезы» и «русские аксиомы»: Достоевский и Джон Стюарт Милль. — http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_show_archives.php?subaction=showfull&id=1195563217&archive=1195597215&start_from=&ucat=&
19. Бессонов Б.Н. Судьба России: взгляд русских мыслителей. М.: Луч, 1993. 253 с.